Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (https://nashagazeta.ch)

Василий Гроссман, Филипп Люшер и ядерная бомба

15.10.2025.

Актер Филипп Люшер Photo © N. Sikorsky

Гегель утверждал, что история развивается по спирали, причем каждый новый виток превосходит предыдущие этапы, обогащая их и воплощая более высокий уровень осознанности и свободы. Если со второй частью этого утверждения можно спорить – слишком много мы видим примеров того, как человечество скатывается по этой спирали вниз, словно по детской горке – наличие каких-то условных «кругов» не может вызывать сомнения даже у людей, стоящих на сугубо материалистических позициях. Судьба Василия Гроссмана, удивительными «спиралями» связанная со Швейцарией, – тому пример.

«Русский советский писатель и журналист, военный корреспондент, подполковник

интендантской службы», как представляет его Википедия, Василий Семенович Гроссман при рождении звался Иосиф Соломонович – уменьшительная форма его имени «Йося» постепенно превратилась в «Вася» и стала впоследствии его литературным псевдонимом. А родился он в 1905 году в Бердичеве, излюбленном городе рассказчиков еврейских анекдотов, в семье евреев-атеистов. Мало кто знает, что отец его, инженер и химик по специальности, был выпускником Бернского университета, а мать получила образование во Франции и преподавала в этом самом анекдотическом Бердичеве французский язык. (Кстати, именно по рассказу Гроссмана «В городе Бердичеве» Александр Аскольдов снял в 1967 году своей гениальный фильм «Комиссар», немедленно запрещенный и показанный лишь в 1988-м.)

Родители Йоси-Васи рано развелись, и в феврале 1912 года он вместе с матерью поехал в Швейцарию, где с марта учился в начальной школе на улице Roseraie в Женеве. В октябре 1913-го года они перебрались в Лозанну, а в мае 1914 года возвратились в Киев, где жил отец будущего писателя.

… Пропустим теперь значительную часть его биографии – учебу на химика в МГУ, заведование химической лабораторией на Донбассе, начало литературной деятельности, мобилизацию в армию летом 1941-го, расстрел его матери в нацистском гетто на Украине в сентябре того же года, участие в Сталинградской битве и вхождение вместе с советскими войсками в концлагеря Майданек и Треблинка – и перенесемся к главной книге Василия Гроссмана, роману «Жизнь и судьба», оцениваемому многими, как «Война и мир» 20 века. В самом кратком виде судьба этого великого произведения, которое Гроссман писал в течение десяти лет, известна, мы думаем, многим. В феврале 1961 года, во время обыска в доме Гроссмана силами КГБ, были конфискованы хранившиеся у него копии рукописи и черновики, а затем были изъяты копии романа, находившиеся в редакциях журналов «Новый мир» и «Знамя». Письмо Гроссмана Хрущеву с просьбой о свободе для книги обернулось решением главного идеолога той поры Суслова, роман не читавшего, но постановившего, что о возвращении рукописи «не может быть и речи» и что роман может быть напечатан в СССР не раньше, чем через 200-300 лет. Суслов ошибся в цифрах, но не в сути: в СССР роман вышел лишь в 1988 году, в разгар перестройки, да и то с купюрами, а рукописи были переданы ФСБ Министерству культуры вообще только в 2013-м.

НО! И вот тут вы поймете, зачем потребовалось такое длинное вступление: мог ли представить себе Василий Гроссман, после ареста главного труда его жизни потерявший возможность публиковаться и скончавшийся в 1964 году, не дожив до 60 лет, что его роман не умрет! Что писатель и переводчик Семен Липкин сохранит копию романа своего друга, и что в середине 1970-х, с помощью академика Андрея Сахарова и писателя Владимира Войновича, она будет вывезена на Запад. Что, после расшифровки с микрофильма жившим на тот момент в Париже профессором Ефимом Эткиндом и его женевским коллегой Шимоном Маркишем, роман будет опубликован в 1980 году одновременно на русском и французском языках лозаннским издательством L'Âge d'Homme, а интервью с его основателем Владимиром Димитриевичем, опубликованное в Нашей Газете, станет единственным следом смелого издателя в русскоязычном пространстве. Что в 2007 году американская деловая газета Wall Street Journal назовет роман «Жизнь и судьба» одной из величайших книг двадцатого столетия. И уж точно не мог представить себе Василий Семенович, что еще 45 лет спустя в женевском «протестантском» музее, на полях

выставки, посвященной печальной годовщине атомной бомбардировки двух японских городов, будет звучать его написанный в 1953 году текст «Авель. (Шестое августа)», переносящий читателя/слушателя на борт самолета американских ВВС и знакомящий с членами экипажа, лучшими специалистами каждый в своей области, которым было поручено испытать новое оружие.

> *В этот вечер сильно пахли листья и травы, тишина была нежной и ясной. Тяжелые лепестки огромных белых цветов на клумбе перед домом начальника порозовели, потом на цветы легла тень: пришла ночь. Цветы белели, словно вырезанные из тяжелого, плотного камня, вдавленного в синюю густую тьму. Спокойное море, окружавшее остров, из желто-зеленого, дышащего жаром и соленой гнилью, стало розовым, фиолетовым, а потом волна зашумела дробно и тревожно, и на маленькую островную землю, на аэродромные постройки, на пальмовую рощу и на серебристую мачту-антенну навалилась душная, влажная мгла. Во мраке колыхались красные и зеленые огоньки – сигнальные знаки на гидросамолетах в бухте, засветились звезды – тяжелые, яркие, жирные, как бабочка цветы и светляки, жившие среди чавкающих, душных болотных зарослей. Чугунная ступня солнца продолжала давить на ночную землю: ни прохлады, ни ветерка, все та же мокрая, томящая теплынь, все та же липнущая к телу рубаха, все тот же пот на висках. На террасе в плетеных креслах сидели летчики – экипаж самолета.*

На этом мы считаем описание «швейцарского витка» спирали судьбы Василия Гроссмана законченным и переходим, наконец, к беседе с нашим сегодняшним собеседником – Филиппом Люшером.

Филипп Люшер изучал театральное ремесло в Женевской консерватории, затем получил стипендию, которая позволила ему поехать в Марсель, в Национальный театр, чтобы работать ассистентом режиссёра. После этого он 13 лет проработал в женевском театре Comédie de Genève с тогдашним директором Ришаром Вашу, а затем и сам ста директором – театра Грютли, на семь лет. Именно в то время он много сотрудничал со странами Восточной Европы: Филипп Люшер ездил с различными спектаклями в Киев, в Москву, в Кишинёв, в Вильнюс… Помимо всего этого он написал пьесы, некоторые из которых были переведены даже на русский язык и поставлены в Минске (пьеса о Пабло Неруде) и в Санкт-Петербурге (о женевском периоде жизни Фёдора Достоевского) в 2000-х годах. Но открытие им творчества Василия Гроссмана произошло гораздо раньше.

Филипп Люшер: Я открыл для себя Василия Гроссмана в книжном магазине «Rameau d’or» Владимира Димитриевича, которого знал еще раньше. Только начав заниматься режиссурой, я ставил тексты Шарля-Альбера Сангрия, а у него была часть прав, поскольку он их публиковал. Мне пришлось ехать в Лозанну, чтобы обсудить это с ним. В конце беседы он сказал: «Замечательно, что вы это делаете. У Сангрия много врагов. У меня есть его пишущая машинка, хотите?». И так он одолжил мне пишущую машинку Сангрия, которую я использовал в спектакле. А потом однажды он сказал мне: «Знаете ли вы Гроссмана? Я только что опубликовал его "Жизнь и судьбу"». Это было в 1980 году. А лет пятнадцать назад я открыл для себя этот небольшой рассказ и сказал себе, что когда-нибудь нужно будет устроить его чтение публике.

Этот день настал...

Да. Тем более что мы находимся в периоде, когда снова есть угрозы, шантаж, запугивание ядерным оружием. Самое время извлечь этот текст на свет.

Помните ли вы, каким было ваше первое впечатление от чтения этого текста?

Я должен рассказать вам предысторию. В 2000 году я ездил в Киев на фестиваль, и там один артист встретил меня в аэропорту на большой машине. Увидев моё удивление, он объяснил: «Государство дало мне машину, чтобы встретить иностранца. Эта машина была в заражённой зоне». И я подумал: «Ах, вот как...» А год спустя я ездил со съемочной группой австрийского телевидения в Чернобыль. Это меня очень сильно затронуло, и я стал противником ядерной энергии на 300%.

> Два часа находились они в воздухе. Самолет шел все время по приборам. Серая плотная мгла лежала над огромным пространством. Согласованность действий команды достигла своего высшего предела, и самолет казался людям живым, наделенным волей существом, высшим по сравнению с людьми организмом. Сейчас решения и поступки людей определялись не так, как это бывает в обычной жизни, а одними лишь показаниями приборов и цифрами расчетов.

На первый взгляд нельзя сравнивать монументальный роман «Жизнь и судьба» с 20-страничным рассказом. Но если внимательно читать текст, видишь, что у них есть общие черты. Есть эта склонность автора к библейской простоте, которая, кстати, была отмечена некоторыми критиками уже в «Жизни и судьбе» как недостаток. Идея личной ответственности каждого. Наконец, общая гуманистическая, антимилитаристская идея. Что вы об этом думаете?

Я полностью с вами согласен и признаюсь, что при каждом перечитывании я открываю новые слои этого прекрасного текста. Кстати, то, что выделяется при чтении, это действительно, как вы говорите, оправдание действий тем, что мы – исполнители. Но не мы отдаём приказы. Это выше нас. Зато умирать заставляют нас.

А ещё замечательно в его рассказе отношение к цветам. Там очень много цветов, в чем я вижу сходство с Артюром Рембо. И в то же время с самого начала в подтексте действительно слышно, что что-то должно произойти. Напряжение нарастает, и читатель чувствует, что человек изменит что-то в природе. Вот что я нахожу очень интересным в этом первом входе в рассказ, с описанием болотистого острова, кустарника, мглы, где есть гниль, жара...

> Джозеф нажал на полированную белую кнопку – она легко ушла и выточенное стальное гнездо, и вскоре легкий щелчок, который ощутила подушечка указательного пальца, подтвердил: бомба пошла на цель.

А персонажи, эти пилоты, такие разные...

Но у них есть общая точка соприкосновения – их миссия. Собственно, эта точка – единственная, им больше нечего сказать друг другу. Гроссман указывает на отношения между людьми, он никого не щадит. Посмотрите на сложность характера командира экипажа, который выращивает свои цветочки, ухаживает за своим маленьким садиком и т. д., а потом в одну секунду меняется и становится беспощадным исполнителем.

А ещё есть этот Джозеф Коннор, самый молодой член экипажа, который в конце, в письме, упрекает свою мать в том, что она родила его на свет, чтобы он стал тем, кем он стал. В том, что он нажал на кнопку.

Дата появления этого рассказа интересна – 1953 год, год смерти Сталина. На тот момент Гроссман работает над «Жизнью и судьбой» уже несколько лет, он всё ещё атеист и коммунист, но есть в этом рассказе присутствие Бога, руки Божьей. Что вы об этом скажете?

Я бы сказал, что это ставит вопрос о сущности религии, для чего она служит? Я не знаю, для чего она служит в жизни человека. Что такое вера? Что значит иметь веру? Для меня вера — это духовность, и я говорю себе: если Бог существует, то в моём лице он может проявиться, это часть меня, это не что-то внешнее. Но в любом случае этот текст Василия Гроссмана даёт много пищи для размышлений, особенно сегодня.

От редакции: Филипп Люшер прав, и мы приглашаем всех прийти его послушать. Практическую информацию вы найдёте здесь.

русская литература в Швейцарии
русская литература на французском языке

Source URL:
https://rusaccent.ch/blogpost/vasiliy-grossman-filipp-lyusher-i-yadernaya-bomba